

А. В. ВЕДЕРНИКОВ

ВЛАДИМИР ЛОССКИЙ И ЕГО БОГОСЛОВИЕ

Биографические сведения

Среди различных по величине и яркости светил православной богословской мысли, появившихся на нашем церковном небосводе в текущем столетии, особенно светлым сиянием окружено имя Владимира Николаевича Лосского. Для многих из наших читателей это имя прозвучит впервые, и они несомненно заинтересуются как происхождением, так и местом, где протекала жизнь и деятельность этого русского православного богослова. Поэтому нам естественно начать данную статью с предупреждения о том, что Владимир Николаевич Лосский, умерший в 1958 году, в самом расцвете сил и дарований, был верным сыном Русской Православной Патриаршей Церкви, которому суждено было стать гражданином Франции и там, в центре западной образованности, послужить Богу богословским свидетельством о Православии.

Принадлежность к Русской Православной Церкви и французское гражданство! Каким образом могло получиться столь необычное сочетание в жизни Владимира Лосского? На этот вопрос отвечает его жизненный путь, неожиданный поворот которого на рубеже двух эпох провиденциально указал ему место и человеческую среду для жизни и служения Церкви Христовой.

Подробная биография этого замечательного человека-христианина и выдающегося православного богослова еще не написана, и сейчас здесь предлагается не обстоятельное описание его жизненного пути, а лишь ряд биографических фрагментов, заимствованных, главным образом, из мемориального выпуска «Вестника Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата» за 1959 год и дополненных некоторыми сведениями, которые были извлечены либо из рассказов личных друзей Владимира Лосского, либо из его переписки с Московской Патриархией.

Владимир Лосский родился в День Святого Духа 25 мая 1903 года в Петербурге в семье известного русского философа. Там же прошли его детские и юношеские годы. Анонимный биограф отмечает «исключительную чуткость мальчика, особенно перед тайной смерти». В возрасте 17-ти лет он уже студент Петроградского университета, где сразу же определяется его влечение к истории философской мысли, к творениям святых отцов Церкви и к западному Средневековью.

В ноябре 1922 года Владимир Лосский вместе с семьей эмигрирует на Запад. Первым этапом этой эмиграции оказалась Прага, где будущий богослов продолжил свое образование у знаменитого византолога Н. П. Кондакова. За Прагой последовал второй и, к счастью для семьи Лосских, последний этап эмиграции — Париж с его старейшим французским университетом Сорбонной. Здесь молодой Лосский с головой уходит в занятия и через два года получает ученую степень по истории

Средних веков вместе с правом преподавать этот предмет. Но его интерес к Средневековью продолжает углубляться, он работает под руководством видного специалиста по Средним векам профессора Ф. Лота и в течение ряда лет слушает лекции крупного знатока средневековой философии профессора Этьенна Жильсона. У них, как сказано в биографических заметках, «он учится строгости западной мысли, сочетая ее с тяготением в глубину»...

Углубленный интерес Владимира Лосского к Средним векам истории Запада, конечно, нельзя объяснить одной любознательностью или стремлением молодого ученого к эрудиции, к накоплению знаний в избранной области. Еще в Петроградском университете этот интерес сочетался у него с особым вниманием к святоотеческой письменности и к догматическому значению *Filioque*. И, оказавшись на Западе уже глубоко укорененным в церковном и святоотеческом предании, он осознает свое невольное присутствие во Франции как призвание к свидетельству о Православии, следы которого еще сохраняются в традициях французского христианства. Это сознание побуждает его изучать мистико-теософическое учение Мейстера Экхарта и грандиозную систему мысли Фомы Аквината, чтобы глубже войти в духовный мир Запада, понять основы западного мышления и с помощью привычных для него представлений и понятий свидетельствовать перед ним об Истине Православия. Приходится удивляться духовной неуязвимости Владимира Лосского и несокрушимой мощи его православного мышления, которое при своем погружении в средневековую мистику и схоластику не только ничем не соблазнилось, но еще глубже обосновало превосходство своей богословской позиции.

1928-й год был ознаменован для Владимира Лосского его вступлением в семейную жизнь: венчание произошло в День Святого Духа. В том же году он стал членом Православного Братства имени св. Фотия, учрежденного при Трехсвятительском подворье в Париже в помощь епархиальному архиерею и с целью утверждения Православия во Франции. Автор биографических заметок говорит, что, по мысли Владимира Лосского, это Братство «должно было стать как бы христианским рыцарским орденом, чтобы отвечать Западу на взыскание Грааля, то есть Православия».

Но это были годы русской церковной смуты, и к делу православного свидетельства во Франции прибавилась необходимость борьбы за каноническую Истину, за верность Матери — Русской Православной Церкви. Когда значительная часть русской эмиграции, осевшей во Франции, уклонилась, по чисто мирским мотивам, в церковный раскол, Владимир Лосский, вместе с Фотиевским Братством, остался в лоне Русской Матери-Церкви, как того требовали канонические правила и его твердое убеждение в том, что Церковь должна свидетельствовать о полноте Истины там, где она находится, не притязая на «нормальные» условия. Отсюда его верность Матери-Церкви не могла находиться в противоречии с любовью к Франции, которая, как он думал, могла стать «очагом возрождения христианского Запада» в духе Православия.

В этот период церковных нестроений и борьбы с многочисленными схизматиками Владимир Лосский ведет оживленную переписку с Блажителем Патриаршего престола Митрополитом Сергием (будущим Патриархом), с которым у него устанавливаются отношения ученика с учителем. Преклоняясь перед высотой и мужеством служения Первоиерарха нашей Церкви, Владимир Лосский видел в нем замечательного богослова, который обладал не только обширной эрудицией в области догматики, патристики и других церковных дисциплин, но жил догматами Церкви, раскрывая их содержание внутренним опытом. Основанное на этом опыте богомыслие помогало ему «осуществлять дело, превышающее всякие человеческие силы», как писал впоследствии о Митрополите Сергии преданный ему Владимир Лосский.

Надо сказать, что в то время молодой богослов был активным помощником Митрополита Сергия в деле собирания «расточенных чад» Матери-Церкви и ограждения их от влияния ложных учений, возникавших в их среде. Как уже было сказано, в разгар юрисдикционных разделений он, вопреки настроению большинства своих соотечественников-эмигрантов, выбрал каноническую верность Матери-Церкви. Когда же в 1933 году появилась книга прот. С. Булгакова «Агнец Божий», оказавшая большое влияние на культурные круги православных людей, Владимир Лосский сразу же вооружился против содержащегося в ней ложного истолкования догмата Боговоплощения. Он увидел, что автор книги, излагая этот догмат на основе софиологии, придает Боговоплощению характер природной необходимости и тем самым как бы упраздняет вольное снисхождение, жертву, страдание и Крест Христов (1 Кор. 1, 17—24), обесценивая вместе с тем и самую цель снисхождения Слова,—ниспослание Святого Духа от Отца ради возведения тварного мира к обожению в Церкви...

Когда Митрополит Сергей ознакомился с содержанием книги «Агнец Божий» по докладу митрополита Елевферия, управлявшего тогда патриаршими приходами во Франции, он убедился не только в неправомыслии прот. С. Булгакова, но и в опасности его софианского истолкования церковного догмата для духовной жизни верующих. Критический разбор софианского учения был подвергнут обсуждению на заседании Священного Синода и в форме Указа, осуждающего это учение, отправлен митрополиту Елевферию для сообщения верующим. На этот Указ прот. С. Булгаков ответил «Докладной запиской митрополиту Евлогию», уже находившемуся в то время в отделении от Матери-Церкви, и тогда Владимир Лосский, сравнив текст Указа с Докладной запиской о. Сергия Булгакова, написал свою книгу «Спор о Софии», вышедшую в свет в 1936 году.

Здесь не место заниматься изложением острой критики, которой подвергается в этой книге софиология о. Сергия Булгакова. Надо лишь отметить, что пламенная ревность Владимира Лосского о чистоте и неприкосновенности для философствующего разума учения Церкви нашла свое выражение в строгой и убедительной аргументации и в предельно ясном и логически стройном изложении. В архиве Московской Патриархии сохраняется письмо митрополита Елевферия, в котором он пишет Патриаршему Местоблюстителю Митрополиту Сергию о том, что Указ, осуждающий неправомыслие о. Сергия Булгакова, явился «благовременным актом власти», подорвавшим авторитет его книги «среди иноверцев и наших невегласов», что книга Владимира Лосского с критикой ответа о. Сергия Булгакова на Указ об осуждении «хороша, сильна и содержательна» и что она, по словам Владимира Лосского, «вызвала похвалу самого о. Булгакова за эрудицию ее автора» вместе с сожалением, что последний «не состоит в среде богословствующих проблематиков».

Нам неизвестно, возразил ли на книгу Владимира Лосского «Спор о Софии» о. Сергей Булгаков, — в списке его печатных трудов нет такой темы, — но можно думать, что высказанная им похвала ее автору за эрудицию имеет отношение и к содержанию его доводов, а в сожалении об отсутствии автора в среде богословствующих проблематиков нет и намека на отрицание его богословской позиции, с которой верующий разум должен рассматривать Богооткровенные истины не как проблемы, а как духовные реальности, постигаемые верой и созерцанием очищенного ума. Во всяком случае реакция о. Сергия Булгакова на критику Владимира Лосского далека от всякого раздражения и обиды и выражает скорее удивление перед пламенностью и глубокими познаниями критика.

Известно, что личного общения между о. Сергием Булгаковым и Владимиром Лосским не было из-за церковной схизмы, остро переживавшейся тогда обеими сторонами, но «Спор о Софии» тревожил Владимира

Лосского до конца жизни, заставляя его воздавать должное той правде, которую содержали доводы противника, как вспоминает об этом друг покойного богослова Луи Буайе в своей мемориальной статье о нем. А в другой статье, написанной тоже одним из французских друзей и учеников Владимира Лосского, указывается, что «всё его богословие, сконцентрированное на нетварной благодати, на паламитском понятии Божественной энергии, действительно пытается выразить, в свете Предания и в строго православных понятиях, основные интуитивные моменты в мышлении о. Сергия Булгакова».

Но не будем углубляться в эту славную и в то же время болезненную страницу биографии Владимира Лосского, который, конечно, лучше, чем кто-либо другой, понимал масштабы и силу мысли о. Сергия Булгакова. Различие их путей в богословии, равно как и сходство основных богословских интуиций и прозрений, должно стать предметом особого исследования в будущем. А сейчас остановимся на одном важном событии, тесно связанном с церковным служением Владимира Лосского.

Присутствие русского Православия во Франции не оставалось безразличным для французского христианства. Несмотря на юрисдикционные споры и расхождения среди русской православной диаспоры, ее литургическая жизнь, вместе с живой проповедью пастырей, раскрывалась перед многими из западных христиан как живое апостольское предание. До сих пор оно было для Запада просто восточной традицией, а теперь, в свете покоряющего свидетельства православного богословия, оказывалось содержанием и движущей силой Православия, воистину вселенского — не в географическом смысле всемирного распространения, а в смысле обладания полнотой Истины. И неудивительно, что наиболее чуткие к ее призывам души потянулись к Православной Церкви и образовали в самом сердце Франции, в Париже, общину-приход, который, при активном содействии Фотиевского Братства и Владимира Лосского, был принят, по Указу Блаженнейшего Митрополита Сергия, в лоно Русской Православной Церкви с сохранением западного обряда. Это событие явилось началом осуществления мечты нашего богослова о возрождении во Франции древнего благочестия, свойственного ее народу и укорененного в Священном Предании Вселенской Церкви.

В это время в соседней Германии уже свирепствовал фашистский режим Гитлера, тайне осуществлявший подготовку к завоеванию «жизненного пространства» в Европе и за ее пределами. Первый год войны, развязанной Гитлером, явился для Владимира Лосского годом получения французского гражданства. Поражение Франции возбуждает в нем желание вступить в ряды армии, чтобы сражаться с врагом. Но армия быстро отступает на юг, и ему не удается найти или догнать ни одного отряда, хотя с этой целью он проходит через всю страну почти до самого Бордо. По пути, пройденному то пешком, то на попутных машинах, его поражает зрелище разгрома и унижения французской нации, ее духовного неблагополучия. «В центре драмы для него: Франция и Православие — два полюса его судьбы», — замечает биограф.

Свои размышления на эту тему Владимир Лосский выразил в рассказе «Семь дней по дорогам Франции», который он написал в местечке «Четыре дороги» в департаменте Лот, где среди парижских беженцев нашел свою жену и детей в приютившем их чердачном помещении старого замка. Там он перевел на французский язык «Беседу преп. Серафима Саровского с Мотовиловым о цели христианской жизни» — бесценное напоминание о спасительном, но забытом пути.

По возвращении в Париж в октябре того же, 1940-го, года Владимир Лосский немедленно вступил в ряды французского Сопротивления. Он ведет активную борьбу с гитлеровскими оккупантами и вместе с тем посещает собеседования философов и богословов, объединяемых эсхатологическим настроением, в которое несомненно вносит светлый оптимизм сво-

его православного свидетельства. Более того, несмотря на вражеское окружение и на лишения военного времени, он читает лекции о православном мистическом богословии и на их основе пишет книгу «Очерк мистического богословия Восточной Церкви», которую выпускает в свет в 1944 году. В этой замечательной книге, написанной на французском языке, автор становится как бы современником древних отцов и учителей Церкви с тем, чтобы сделать их нашими современниками, помогающими христианам свидетельствовать перед миром о неистощимом богатстве христианской истины.

Но вот Париж освобожден от оккупантов, и в декабре 1944 года при французской православной миссии имени св. Иринея организуется Французский Православный институт имени св. Дионисия. Этот институт должен был готовить священников для французского Православия и служить его распространению среди французов. В течение ряда лет Владимир Лосский ведет в нем курс Догматического богословия и курс Церковной истории. Кроме того, с 1945 года он — член редакционной коллегии журнала «Живой Бог», возникшего из вышеупомянутых собеседований философов и богословов в доме Марселя Моро. Избранный в том же году в члены Общества научных исследований, Владимир Лосский возобновляет работу по изучению трудов Мейстера Экхарта и начинает чтение цикла лекций на тему: «Видение Бога в патристическом и византийском богословии».

С лета 1947 года Владимир Лосский становится непременным участником ежегодной конференции англо-русского Содружества имени святого Албания и преподобного Сергия в Абингдоне. Это Содружество возникло на почве и с целью сближения христианских исповеданий, в частности англиканства с Православием, и здесь православное свидетельство Владимира Лосского оказывается в центре внимания. Вспоминая об этом, один из его английских друзей Дервас Ж. Чити напишет впоследствии, что под влиянием Владимира Лосского на собраниях Содружества был достигнут по-настоящему серьезный подход к догматическим вопросам. Молодые английские богословы стали не только его друзьями, но и учениками: они перевели на английский язык и выпустили в 1958 году в свет «Очерк мистического богословия Восточной Церкви», — книгу, оказавшуюся для Запада единственным изложением православного богословия и освещаемых им основ духовной жизни. Как «первое слово жизненно важного спора о сущности Православия», эта книга показывает Западу, что Православие является не только «восточной» традицией христианства, но живым Преданием Кафолической Истины. И это открытие оказывается решающим для всех центральных проблем современного экуменизма.

Достоин внимания свидетельство того же Дервас Ж. Чити о том, что, по убеждению всех участников Абингдонских собраний, влияние на них Владимира Лосского было особенно значительным благодаря примеру его христианской жизни в кругу семьи и в отношениях с окружающими, не говоря уже о жизни церковной.

В этом отношении образ Владимира Лосского, как человека православного, всем своим существом жившего в Церкви, очень хорошо очерчен в воспоминаниях одного из его французских друзей и учеников. Касаясь высказываний своего учителя о том, что православное мышление должно быть не «умственной спекуляцией», а «экзистенциальным знанием», требующим «изменения ума», покаяния личности перед лицом Живого Бога, он пишет, что богословская мысль Владимира Лосского коренилась в литургической и духовной жизни совершенно особого качества. Будучи церковным человеком в полном смысле этого слова, он причащался каждое воскресенье, решительно утверждая, что при совершении таинства Евхаристии нельзя присутствовать «в качестве зрителя». «Толь-

ко сильные, — говорил он, имея в виду египетских пустынножителей, — могли раз в жизни принимать Святые Тайны, ибо, достигнув совершенства, они принимали их, как «огонь обожения». И по отношению к этому огню, судящему и дающему обожение, он проявлял безграничное почитание, столь характерное для Православной Церкви.

За всеобщими бдениями Владимир Лосский часто прислуживал: выносил свечу или подавал кадило священнику. И делал это чрезвычайно просто. Но иногда так уходил в молитву, что пропускал нужный момент. Напоминание священника отрывало его от этого «литургического созерцания», и он, как сконфуженный ребенок, почти бежал по храму. Иногда он читал шестопсалмие, и в его глуховатом голосе, сквозь древнюю мольбу, проступала особая отрешенность... Но в повседневной жизни эта отрешенность как бы пряталась за раскрытостью его души навстречу всему живому — красоте, молодости, искусству. И в то же время он часто прерывал свои занятия, чтобы пойти в храм св. Стефана на Горе и помолиться там у гробницы св. Женеьевы. С ним всегда было маленькое греческое Евангелие, которое он читал в свободные минуты, а Великим постом перечитывал всю Библию, урывая время от работы и читая даже на улице...

Способный приходить в ярость от глупости и самоуверенного невежества в делах и вопросах церковных, он был человеком, который подходил к людям просто, терпел с молчаливой улыбкой гневливых, умел слушать, понимать и помогать, не ранил человека. А как он любил и уважал своих детей и своих друзей! Его дом был местом, где никто никогда не чувствовал себя чужим, где в непрерывном движении дышала жизнь и любовь, чему сотни людей были свидетелями. Его труды, его лекции, его откровенные признания, — заключает друг Владимира Лосского, — все носило на себе печать царственности христианина-мирянина, избравшего путь брака, но не сложившего с себя обязанностей своего христианского служения.

И вот этот христианнейший человек, всегда строгий к самому себе и непоколебимый в соблюдении церковной дисциплины, вдруг столкнулся с фактом нарушения канонической верности Матери-Церкви со стороны своего друга о. Евграфа Ковалевого. Разрыв последнего с Московской Патриархией в 1953 году не только нарушил церковный мир, но и сильно повредил делу православного свидетельства во Франции. Можно себе представить, каким тяжелым ударом явилось это событие для Владимира Лосского! Он ушел из Института св. Дионисия, где в течение более чем восьми лет работал вместе с о. Евграфом, и углубился в свою богословскую деятельность. Преподавание Догматического и Сравнительного богословия на Пастырских курсах, организованных при Русском Западно-Европейском Патриаршем Экзархате, и дальнейшее исследование мистики Мейстера Экхарта — вот на чем сосредоточилось теперь внимание Владимира Лосского.

Но самым важным приобретением этого периода деятельности нашего богослова явилась возможность утверждать православное свидетельство в самом средоточии западной мысли и западной науки. В биографических заметках говорится о его участии в конференциях философского колледжа, где он не только слушает выступления и доклады видных мыслителей, но привлекает всеобщее внимание к своим темам. Им были прочитаны там следующие доклады: «Мрак и свет в познании Бога», «Апофаза и тринитарное богословие», «Роза и бездна» (понятие бытия у Экхарта), «Богословие образа».

Несколько раньше Владимир Лосский вместе с Леонидом Александровичем Успенским выпустил большой труд под заглавием «Смысл икон», предпослав ему замечательную статью «Предание и предания» (в переводе на русский опубликовано в «Журнале Московской Патриархии», 1970, № 4). А дальше отмечается его участие в Августинском конгрессе, со-

стоявшемся в Париже в сентябре 1954 года, и на второй Оксфордской конференции по патрологии в 1955 году.

Лето 1956 года ознаменовалось для Владимира Лосского встречей с Матерью Русской Православной Церковью, верным сыном которой он остался до конца своего земного пути. Московская Патриархия пригласила его, в числе других представителей Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата, посетить Москву, Киев, Ленинград и Владимир. Это посещение, после 34-х лет разлуки, родных святынь, присутствие за торжественными богослужениями и незабываемое зрелище молящейся Церкви явились для него источником глубокого утешения. Ему было отрадно видеть на церковных службах множество причастников Святых Таин. Он радовался чистоте и порядку в храмах и благолепию совершаемых в них богослужений. Хорошее впечатление произвели на него наши молодые духовные школы. Словом, вся жизнь Матери-Церкви была воспринята им, как неисчерпаемый источник благодатных даров, изливающихся на всех, ищущих Христовой Истины.

С этими впечатлениями Владимир Лосский покинул родину, чтобы больше ее никогда не увидеть. 7 февраля 1958 года он скончался в Париже. День его кончины знаменательно совпал с днем памяти св. Григория Богослова.

Богословское наследство

Связывая свое присутствие во Франции с призванием к свидетельству об Истине Православия в этой стране, Владимир Лосский писал свои богословские исследования и читал лекции преимущественно на французском языке, за исключением тех случаев, когда ему приходилось обращаться непосредственно к русской аудитории и к русским читателям. Некоторые из его богословских трудов переведены на английский и немецкий языки. Поэтому по отношению к большей части богословского наследства Владимира Лосского, изданного, главным образом, во Франции и отчасти в Англии и Германии, мы стоим перед необходимостью перевода важнейших его трудов на русский язык с целью публикации их в наших церковных изданиях. Некоторые из них уже появились на страницах «Журнала Московской Патриархии». С этих публикаций мы и начнем список богословских трудов Владимира Лосского, дополнив его названиями еще не переведенных на русский язык сочинений, о которых известно, что они изданы. В этот список, конечно, не войдут статьи, рассеянные по разным западным журналам, как и оставшиеся в рукописях, но и в таком составе он будет вполне достаточен для того, чтобы ввести читателя в круг богословской тематики Владимира Лосского.

Из трудов, предназначенных для русской православной диаспоры, первым по времени нужно считать полемическую книгу «Спор о Софии», изданную в Париже в 1936 году. Далее идут статьи, написанные тоже на русском языке и напечатанные в ряде выпусков «Вестника Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата». Вот их перечень: «Соблазны церковного сознания» (№ 1, 1950 год); «Икона Преображения Господня» (№ 22, 1955 год); «К вопросу об исхождении Святаго Духа» (№ 25, 1957 год); «Всесвятая» (№ 59, 1967 год); «Св. Иоанн Дамаскин и византийское учение о духовной жизни» (№ 61, 1968 год); «Паламитский синтез» (№ 62—63, 1968 год); последние три статьи, появившиеся в упомянутом журнале после кончины их автора, являются переводами с французского текста.

К этому списку статей, напечатанных на русском языке, нужно отнести статью, озаглавленную: «Личность и мысль Святейшего Патриарха Сергия». Она была написана Владимиром Лосским для мемориального сборни-

ка «Патриарх Сергий и его духовное наследство», изданного в 1947 году Московской Патриархией.

В «Журнале Московской Патриархии» напечатаны переводы с французского следующих статей Владимира Лосского: «Искупление и обожение» (1967, № 9); «Всесвятая» (1968, № 1, — новый перевод); «Богословие света в учении св. Григория Паламы» (1968, №№ 3 и 4); «О третьем свойстве Церкви» (1968, № 8); ««Мрак» и «свет» в познании Бога» (1968, № 9); «Кафолическое сознание» (1969, № 10); «Предание и предания» (1970, № 4).

В данном выпуске «Богословских трудов» помещаются переводы с французских оригиналов двух богословских трудов Владимира Лосского: «Очерк мистического богословия Восточной Церкви» (с парижского издания 1944 года) и «Догматическое богословие» («Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата» — №№ 46—47 и 48 (1964 год) и №№ 49 и 50 (1965 год)).

Из других трудов Владимира Лосского, опубликованных на французском и немецком языках, нам известны следующие (заглавия даны в русском переводе): «Заметки об «аналогиях» у Дионисия псевдо-Ареопагита» (*Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen-Age*, t. V, année 1930. Paris, Vrin 1931); «Отрицательное богословие в учении Дионисия Ареопагита» (*Revue des sciences philosophiques et théologiques*, t. XXVIII, Paris, avril, 1936); «Этюд о терминологии св. Бернара» (*Archivium Latinitatis Medii Aevi* (Bulletin lu Cange), t. XVIII, Bruxelles, 1942); «Исхождение Святого Духа в православном учении о Пресвятой Троице» (Paris, 1948); «Смысл иконы» (*en collaboration avec L. Ouspenski. Urs Graf-Verlag. Bern und Olten*, 1952); «Рождество Божией Матери» («Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата», № 23, 1955 год); «Преполовление» (в том же «Вестнике» № 25, 1957 год); «Крест» (в том же «Вестнике» № 26, 1957 год); «Господство и царство» (в том же «Вестнике» № 17, 1954 год); «Элементы негативного богословия в мысли св. Августина» (*Augustinus Magister. Congrès international augustinien. Paris, 21-24 septembre 1954. Éd. des Études Augustiniennes*, p. 575—581); «Догмат о непорочном зачатии» («Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата», № 20, 1954 год); «Богословское понятие человеческой личности» (в том же «Вестнике», № 24, 1955 год); «Проблема видения «лицом к лицу» в патристической традиции Византии» (*Studia Patristica*, vol. II. Akademie Verlag, Berlin, 1957); «Апофаза в тринитарном богословии» (*Collège philosophique, Centre de Documentation universitaire, Paris, s. d. 19 p.*); «Богословие образа» (*Sobornost, Series 3: n°. 22. Winter 1957—1958*).

В период после кончины Владимира Лосского вышли в свет следующие его труды на французском языке: «Апофатическое богословие и познание Бога в учении Мейстера Экхарта» (Париж, 1960); «Боговидение» (курс лекций, прочитанный в Ecole pratique des Hautes Etudes, Париж, 1962); «По образу и подобию» (сборник статей, вновь отредактированных автором незадолго до кончины. Париж, 1967).

Кроме того, появились вторые издания книги «Очерк мистического богословия Восточной Церкви» на французском и английском языках.

*

* * *

Приведенный выше список трудов Владимира Лосского, конечно, не исчерпывает его богословского наследства. Немало статей этого богослова напечатано в разных западных журналах. Предполагалось, а, может быть, уже и осуществлено издание путевых записок «Семь дней по дорогам Франции». Некоторое число законченных и незаконченных работ осталось в рукописях и хранится в семейном архиве Лосских. Все это

с течением времени несомненно будет приведено в должный порядок, напечатано и дополнит список трудов Владимира Лосского.

Но в данный момент нас интересует не полнота этого списка, а влияние уже напечатанных трудов его на богословскую мысль Запада. По этому поводу друг покойного богослова Л. А. Успенский сообщил, что о Владимире Лосском писали и пишут в неожиданных местах и на самых неожиданных языках, и его семья узнаёт об этом только иногда, да и то с опозданием... А один из профессоров Сорбонны сказал, что если бы ему предложили заняться разысканием одних только ссылок на труды Владимира Лосского в многочисленных статьях и книгах, написанных православными, католическими, англиканскими, протестантскими богословами на самых различных языках, то ему пришлось бы оставить свои университетские занятия, по крайней мере, на целый год...

На основании этих ответов, полученных на запрос о более полной библиографии трудов Владимира Лосского, можно сказать, что на Западе его богословское наследие не лежит мертвым грузом на библиотечных полках, а продолжает свидетельствовать о Кафолической Истине Православия.

Каким должно быть православное богословие?

Ввести читателя в богословие Владимира Лосского — задача нелегкая, и в первых двух главах данной статьи она решена лишь отчасти. Теперь, в третьей и последней главе следовало бы представить в сжатом виде необъятное содержание его богословских трудов, но кто бы мог это сделать вполне адекватно, кроме их автора? Если же заняться аналитическим описанием его богомыслия, то это потребует обширного исследования, в котором пришлось бы говорить о новом этапе в развитии православного богословия, преодолевшего все соблазны человеческой мысли и продолжающего основные линии святоотеческого богословия, а это, в свою очередь, обязывало бы сказать многое о вхождении Владимира Лосского в духовный мир Запада, о сопереживании им западных исканий, трудностей и проблем и, конечно, о личности самого богослова, имевшего дар различения духов в сферах мысли, искусства, культуры и силу выражать, подобно святым отцам, соборное сознание Церкви.

Но для такого «введения» необходимы по крайней мере два предварительных условия: предметное усвоение богословского наследия Владимира Лосского и органическое соучастие в его мышлении. А на это можно претендовать только при равенстве с ним в даровании и учености. Нам же не остается ничего другого, как ограничиться скромным замыслом: в соответствии с нашим богословским устроением подойти к богословскому синтезу Владимира Лосского, так сказать, апофатически, как к некоей вероучительной полноте, устремляясь к ней с признанием хотя бы некоторых изъянов и пробелов своего богословского кругозора в надежде получить восполнение от неисчерпаемого богатства его богомыслия.

* * *

Предварительно надо сказать, что переводы трудов Владимира Лосского на русский язык появляются у нас впервые и предназначаются, главным образом, для наставников духовных школ, их питомцев и, конечно, для пастырей и архипастырей нашей Церкви. Глубокая заинтересованность церковных читателей духом и содержанием уже опубликованных в «Журнале Московской Патриархии» статей этого выдающегося богослова показывает, насколько важно и необходимо ознакомиться нам

с другими его трудами, усвоение которых несомненно расширит и обогатит наше церковное сознание и будет служить разрешению многих вопросов веры и жизни.

Этих вопросов много, и еще больше поводов для разного рода соблазнов мысли, угрожающих искажением церковной жизни. Здесь и неизжитые еще последствия антиканонического строя нашей Церкви в Синодальный период, и следы инославных влияний в нашем школьном богословии, и живучесть тенденции церковного либерализма, породившего памятное многим обновленчество, и другие наши несовершенства. При крайней слабости богословской защиты все это ведет к ослаблению нашей церковности, к утрате самобытности Церкви, к ее обмирщению.

Указанная опасность усугубляется тем, что мы часто не видим ее проявлений, а если иногда замечаем, то чувствуем себя перед ними богословски безоружными. К тому же эта опасность постоянна, она подстерегает нас на всех путях церковного бытия, в то время как борьба с нею не всегда и не всеми членами Церкви осознается, как постоянная необходимость. Далеко не все понимают и то, что бороться за Истину — значит жизненно пребывать в Ней, противопоставляя всякой попытке Её исказить не только духовную собранность, достигаемую внутренним искусом, молитвенным подвигом, опытом таинств церковных, но и высокую сознательность веры, возрастающую по мере приобщения нашего разума к познанию Богооткровенных истин.

В этом отношении богословие Владимира Лосского оказывается драгоценным приобретением. Помогая обнаруживать ту или иную опасность, оно пробуждает в нас сознание ответственности за сохранение Истины в жизни церковной. По мысли Владимира Лосского, вытекающей из святоотеческого учения о живом, хранимом всегда, повсюду и всеми Предании, тождественная ему Истина познается в соборности или кафоличности Церкви, становясь «очевидной как для всей церковной полноты, так и для самых маленьких ее частей». Следовательно, «каждый член Церкви, — не только духовенство, но и каждый мирянин, — призван исповедовать и защищать истинность церковного учения, противясь даже епископам, если они впадут в ересь».

Этот вывод, определяемый третьим свойством Церкви, может оказаться в некотором смысле «открытием» для тех, кто во всем, что относится к жизни и учению Церкви, склонен полагаться только на авторитет епископата и духовенства. Конечно, епископы и священники, в силу данной им власти, прежде всего ответственны за Истину, но и все другие члены Церкви должны знать, что если мы идем по пути единения с Богом, то этот путь предполагает непрестанное трезвение, постоянное усилие воли. И чем мы ближе к Богу, тем наша духовная жизнь сознательнее, тогда как бессознательность есть признак греховного состояния. И вообще христиане, получившие дары Святаго Духа в таинстве миропомазания, не могут быть бессознательными в своей вере и в меру своего участия в церковной жизни должны всегда сознавать свою ответственность за Церковь.

*
* *
*

Но много ли в Церкви бодрствующих на страже Истины? Вопреки очевидной нужде в разрешении многих вопросов веры и жизни, особенно обострившихся в наше время, мы, в своей греховной беспечности, едва ли замечаем за собой «тайную неохоту заниматься Божественным и склонность убегать от собеседования с Богом». Это выражается обычно в ослаблении молитвенно-литургической жизни и в нашем равнодушии к догматам веры, к богословской науке. Если первое, по слову московского святителя Филарета (Дроздова), «принадлежит природе, поврежденной

грехом», то ближайшим оправданием второго выставляется обычно известная безжизненность нашего богословия, внушающая мысль о его бесполезности и даже вреде для веры. Неудивительно, что эта мысль приводит некоторых, даже из числа духовных лиц, к отказу от всякого богословского умозрения под предлогом, что для спасения довольно простой веры.

Но что такое «простая вера»? И достаточно ли только иметь и хранить ее? В XVI—XVII веках борцы за Православие противопоставляли западной схоластике тоже «простоту» веры, но эта «простота» означала, как пишет о. Г. Флоровский, «аскетическую верность, молитвенное напряжение, собранность духа», то есть тот путь опытного богопознания, который указывают святые отцы Церкви. А в не столь отдаленное время многие из русского духовенства предпочитали простоту веры «надменности всякого богословского умозрения» скорее из страха перед напором философских учений Запада, чем из желания преодолеть их истинным богословием. Теперь же, когда «наступило время открытого спора и тяжбы о душах человеческих» и когда «каждый вопрос жизни и знания должен иметь и получить христианский ответ», равнодушие к богословию можно приписать только духовной лени, безответственности или же полному непониманию его назначения в жизни церковной.

Конечно, необходимо помнить, что наш природный ум не в состоянии познать или выразить в понятиях Сущность Божию, превышающую всякое разумение. И если философия всё же пытается это сделать в своих учениях, то лишь ценой приспособления Истины к своему ограниченному пониманию, то есть, иначе говоря, ценой умаления Истины или ее искажения. В основе всех ересей, древних и новых, лежат именно такие искажения, которые проистекают из претензии падшего разума на полное знание Истины. Но каким же образом Церковь могла бороться и побеждать эти ереси, когда она утверждает непознаваемость Бога, непостижимость Его Сущности?

На этот вопрос нам отвечает богословие святых отцов, раскрываемое в трудах Владимира Лосского. Святоотеческая мысль, владевшая всей языческой мудростью, задолго до Канта с его учением о непознаваемости «вещи в себе», установила, что «не только Божественная Сущность, но и сущности тварные не могут быть выражены в понятиях» (св. Василий Великий). И тем не менее непостижимость Бога никогда не означала и не означает агностицизма или отказа от познания Бога через Откровение. Только это познание совершается не отвлеченным богословием, которое оперирует понятиями, а созерцательным участием в жизни, изливающейся от Отца через Сына во Святом Духе. Это познание происходит на пути, основная цель которого — единение с Богом или обожение.

На этом пути человеческий ум смиряется перед непостижимостью Бога, отказывается от всяких понятий о Нем и, как бы выходя за свои собственные границы, получает способность созерцать тайны Божественной Премудрости, которые открываются ему лишь отчасти в меру его чистоты и смирения. Опытное проникновение в тайны Божества — происходит ли оно через рассматривание Его творений, или через размышление над Священным Писанием, где Сам Бог остается скрытым, как бы за стеною, под словесным выражением Откровения, или же путями молитвы, таинств церковных и переживания догматов веры, — всегда означает изменение ума, его отказ образовывать понятия, которые могли бы закрыть от него духовную реальность и тем самым лишить возможности ее созерцать. А плоды этого созерцания могут облекаться в словесное богословие, необходимое для того, чтобы каждый христианин мог «устроить свой ум к божественному созерцанию и сердце к небесным ощущениям», побеждая в то же время «нападки безумных ересей».

Вот почему никогда не перестанет служить образцом и источником вдохновения святоотеческое богословие, защитившее от гностических

ересей дело обожения человека, как вселенскую цель Церкви Христовой. «Бог стал человеком, чтобы человек смог стать Богом». Применительно к этому назначению Церкви, «христианское богословие, по мысли Владимира Лосского, становится лишь средством, совокупностью знаний, должествующих служить цели, превосходящей всякое знание, то есть единению людей с Богом, или их обожению»... Так выясняется для нас необходимость богословия и несостоятельность всякого церковного агностицизма.

*
* * *

Покаявшись в преданности церковному агностицизму, так сильно понижающему сознательность нашей веры, мы должны признаться и в других искажениях нашего церковного сознания. Одним из них является отрицание некоторыми богословствующими православными людьми мистического опыта, как общего пути богопознания, а другим — склонность многих верующих заменять церковное учение и церковную жизнь одними личными мистическими переживаниями.

Первая точка зрения, превращая мистический опыт в прерогативу особо одаренных людей, предоставляет всем остальным довольствоваться более или менее слепым подчинением авторитету догматического учения. Отсюда создается впечатление, что пророки, например, с которыми беседовал Бог, и апостолы, слышавшие своими ушами, видевшие своими очами и осязавшие своими руками Слово Жизни, имели веру, основанную на личном опыте богообщения, а для других этот опыт как бы и невозможен, во всяком случае — необязателен. — ведь достаточно иметь веру от «слышания» церковного учения!

Этот крайне поверхностный взгляд, не замечающий того, что вера зарождается от слышания «глаголов Божиих», содержащихся в церковном учении и являющих Бога ищущим Его душам, тем не менее существует и выражает определенное умонастроение. Отделяя богословие от мистического опыта, церковное учение — от благодати постижения его истин, он обычно служит лукавым оправданием чисто умственной веры, не желающей знать никаких духовных подвигов, и в то же время позволяет беспрепятственно прилагать отвлекающую способность нашего рассудка к познанию истин веры с целью заключить их в точные понятия, обосновать логически принудительными доводами и объединить в вероучительную систему, завершенность которой служила бы выражением полноты боговедения. Не есть ли это старая схоластическая претензия на исчерпывающее раскрытие тайны Откровения средствами природного ума?

Как бы отвечая на этот вопрос, Владимир Лосский пишет: «Неизбежно ложным является всякое богословие, которое претендует совершенным образом раскрыть Богооткровенную тайну; само притязание на полноту познания противопоставляется той Полноте, в которой Истина познается лишь отчасти» («Предание и предания», «Журнал Московской Патриархии», 1970, № 4). Поэтому, выражая это частичное познание, богослов послужен смирять и очищать свой ум, чтобы стремиться самому и направлять других к неограниченной Полноте, перед Которой мысль останавливается в молчании и богословие переходит в прославление. Отсюда же становится понятной невозможность заключить эту Полноту в какую бы то ни было систему мысли.

Что касается склонности некоторых христиан к мистическим переживаниям, то эта склонность сама по себе не есть аномалия, а обязательное свойство христианской религиозности, характеризующей сознательностью веры и духовной жизни христианина, живущего в Церкви. Но когда это свойство оказывается во власти экзальтации и воображения или желания «познать умом сокровенные тайны бытия», то возникает та

крайность, которую обычно называют ложным мистицизмом. Нет необходимости перечислять его разновидности и оттенки, но чаще всего ложный мистицизм приводит верующих людей к отречению от разума в пользу религии сердца и к какому-то расплывчатому бесцерковному христианству, иногда с примесью теософии и упражнений раджа йоги. Наблюдается и уход в мистические секты.

Все это происходит от потери духовной трезвости, от ослабления связи с догматическим учением и соборным опытом Церкви, в которой «богословие и мистика не исключают друг друга, а взаимно поддерживают. Действительно, если мистический опыт, — пишет по этому поводу Владимир Лосский, — есть выявление содержания общей веры для отдельной личности, то богословие выражает на общую пользу то, что может быть опытно познано каждым. А вне Истины, хранимой всей Церковью, личный опыт был бы лишен всякой достоверности, всякой объективности. Это была бы смесь истинного и ложного, реального и иллюзорного, это был бы «мистицизм» в дурном смысле этого слова. С другой стороны, — продолжает Владимир Лосский, — учение Церкви не могло бы захватить человеческую душу, если бы оно не выражало до некоторой степени внутреннее опытное познание Истины, данное в различной степени каждому из верующих. Поэтому, — заключает он, — нет мистики без богословия, и, в особенности, нет богословия без мистики».

*
* * *

Вывод Владимира Лосского о взаимной поддержке и связи духовного опыта и богословия напоминает нам, по контрасту, о том «странном разрыве между богословием и благочестием, между богословской ученостью и молитвенным богомыслием, между богословской школой и церковной жизнью», который, по мысли о Г. Флоровского, был наиболее болезненным явлением в истории русского богословия. Усматривая причину этой болезни в «перенесении латинской школы на русскую почву», «когда молились еще по-славянски, а богословствовали уже по-латыни», пронизательный исследователь «путей русского богословия» говорит, что для верного направления в его развитии «нужно было научиться богословствовать не из ученой традиции или инерции только, не только из любознательности, но из живого церковного опыта и из религиозной потребности в знании»; отсюда и прописанное им средство от болезни «разрыва»: «восстановление в богословии патристического метода и стиля»...

Нужно сказать, что о необходимости вернуться к отцам, к их методу богословствования, у нас стали думать еще в прошлом столетии. Этому намерению благоприятствовал уже давно, в XVIII веке, начавшийся «возврат к живым источникам отеческого богословия и богомыслия», определившийся в трудах Пансия Величковского, св. Тихона Задонского, митрополита Филарета (Дроздова), епископа Игнатия Брянчанинова, епископа Феофана Затворника и других «стяжателей Духа». Но в духовных школах того времени, при многих переменах к лучшему, продолжали богословствовать по схоластической инерции, то есть не от духовного опыта, а от книжной учености, которая, по словам епископа Феофана, «помещаясь в голове, оставляет сердце своему своенравию и свободе». — тому, что, главным образом, разъединяет человека с Богом.

Это было сказано о школьном богословии в конце прошлого века. Как же строится оно теперь, в наших новых духовных школах? Косвенным ответом на этот вопрос являются два различных подхода к оценке богословского наследия, принятого и усваиваемого современной духовной школой. Один из них, преобладающий, наставляет на полном соответствии этого наследия святоотеческому преданию, исходя из того, что толкования истин веры в наших догматических руководствах обосновываются не

только текстами Священного Писания, но и выдержками из творений святых отцов и учителей Церкви. Выходит, что проблемы возврата к отцам больше не существует, и разрыв между богословием и духовным опытом давно преодолен. Уверенность в этом достойна похвалы, но суть вопроса о «возврате к отцам» заключается не в цитировании их творений, а в методе богословствования. «Мало знать отеческие тексты и уметь подобрать из отцов нужные справки или доказательства, — пишет о. Г. Флоровский. — Нужно владеть отеческим богословием изнутри... Речь идет о верности отеческому духу... о том, чтобы загораться от отеческого пламени, а не о том, чтобы гербаризировать тексты»....

По другому, менее распространенному, взгляду, возврат к отцам в богословии расценивается, как уход от современности или как рабское подражание устаревшим образцам и отказ от богословского развития. Но разве «следование древним» означает простое повторение святоотеческих учений или рабское им подражание? Напротив, здесь требуется творческое продолжение богословия святых отцов, руководимое их принципами, требуется выявление его жизненности и та интеллектуальная активность, которая способна отвечать на запросы современной мысли, побеждая ее соблазны духовным ведением или опытным восприятием Истины.

Именно так — вдохновенно, жизненно, динамично — богословствует в своих трудах Владимир Лосский, исходя не из философских предпосылок, а из Откровения, как источника живых и жизненно необходимых истин. В толковании их и раскрытии он следует духовным прозрениям святых отцов, которые, по выражению митрополита Филарета, «более нас молились, очищали свою внутреннюю и внешнюю жизнь, в которых поэтому более прояснялся Образ Божий и открылось чистое созерцание, которых дух и на земли ближе нашего граничил с Раем»... Тенденция умалить значение святоотеческих творений, как якобы устаревших, не отвечающих запросам нашего времени, была для Владимира Лосского совершенно чуждой, как вытекающая из претензий современной мысли истолковывать христианство по-своему, приспособляя его к ограниченному человеческому разумению. Для него святые отцы и учителя Церкви были и остаются выразителями ее католического сознания и опыта — и не только для своего времени. Поэтому современным богословам, если они хотят быть действительно богословами и наставниками христиан, необходимо выражать самосознание Церкви не иначе, как в духе и силе святоотеческого предания.

Верность этому преданию самого Владимира Лосского выразилась в том, что богословие было для него, как и для отцов Церкви, «делом жизни, духовным подвигом, творческим разрешением жизненных задач»... Главная из них — свидетельство о католической Истине Православия перед западным миром. Это свидетельство продолжается теперь через труды покойного богослова, поражающие не столько огромной эрудицией, свойственной и другим христианским мыслителям, сколько силой внутренней достоверности. Недаром его католический друг Луи Буайе написал в своей мемориальной статье о нем, что «великолепное исследование мистического богословия Восточной Церкви не только обогатило представление западных людей о православной мистике, но, в конце концов, сделало гораздо больше для взаимопонимания, чем любой легкой иренизм»...

*
* * *

Итак, в результате далеко не полного осознания некоторых изъянов нашего богословского мышления, мы едва только входим в притвор храма святоотеческого богомыслия, открываемый для нас трудами Владимира Лосского. Входим с ощущением других, еще не вполне осознанных, недо-

статков своего духовного устройства, связанных с такими вопросами и недоумениями, которые вызываются, например, юридическим истолкованием догмата Искупления в наших учебных руководствах, отсутствием в них раскрытия смысла Воскресения Христова, как откровения Божественной славы и действительного источника победы над смертью, скованностью учения о Священном Предании искусственной схемой католического после-Триентского богословия, неполнотой учения о свободе и благодати и особенно догматическим вопросом о Церкви, поставленным экуменическим движением нашего времени.

Но если для нас теперь ясно, что все члены Церкви призваны знать, хранить и защищать истины веры от неправомыслия, если мы уяснили себе вред для духовной жизни агностицизма, рационализма и крайностей мистицизма, если, наконец, поняли необходимость богословия и восстановления в нем святоотеческого духа и образа мысли, то этого достаточно, чтобы во всех остальных наших нуждах положиться на ясную и мощную мысль Владимира Лосского, которая сама поведет нас в святилище истинного Богословия.

Еще находясь в его преддверии, мы уже слышим строгие рассуждения о вещах Божественных и начинаем еще глубже понимать, каким должно быть православное богословие. «В богословии, — говорит Владимир Лосский, — недостаточно излагать абстрактную истину, недостаточно ее знать — здесь надо вживаться в то, что изучаешь, надо постоянно обновлять это знание, потому что жизнь требовательна, и не мертвая доктрина учебников может дать ей удовлетворение»... Подчеркивая необходимость опытного постижения истин веры, эта мысль означает, что слово о Боге может иметь силу воздействия на других лишь в том случае, если богослов, по выражению Владимира Лосского, «охвачен Богом», проникнут Его присутствием, что недопустимо рассуждать об Откровении, если не пережил его сам, бесполезно учить о возрождении, не имея опыта борьбы с грехом, и напрасно говорить о благодати, не испытав ее действия в себе.

Из того, что говорит Владимир Лосский об апофатическом характере богословия Восточной Церкви, становится ясным его глубокое отличие от богословия схоластического. Если в последнем «догматы — это абстрактные истины, извне навязанные слепой вере, противоречащие разумному рассуждению внешние авторитеты, по послушанию принятые и затем к нашему пониманию приспособленные», то в истинном богословии «догматы есть Богооткровенные тайны, начатки нового познания, которое в нас открывается и prepares нашу природу к созерцанию вещей, превосходящих всякое человеческое разумение». Если у схоластиков «догматы навязываются уму, как внешние истины, за которыми ум слепо следует, оставаясь, однако, тем же, чем был вначале, то есть умом природным, скованным ограниченностью человеческого разумения», то у святых отцов, как и у всех, кто им следует в своем богомыслии, знание истин Откровения добывается через само Откровение, которое становится возможным лишь при изменении природной способности познавания благодатью Святаго Духа.

Облекаясь в слова, опытное знание Богооткровенных истин становится словесным или учительным богословием, основанием которого, как и православного иконописания, служит Воплощение Предвечного Слова — Сына Божия. Его Божественная непознаваемая природа, неслитно и нераздельно соединенная с природой человеческой в Лице Иисуса Христа, открывается нам и дает возможность говорить о Боге, богословствовать. И это богословие оказывается тем, чем оно и должно быть в Православной Церкви: руководством к созерцанию Истины, размышлением о Ее безграничной Полноте, на которую богословские понятия могут лишь указывать, но вместить никогда не могут. Высшая точка этого богословия — прославление Непостижимости Божией.

Именно с таким богословием встречаемся мы в трудах Владимира Лосского. Это не система теоретических положений и логических доказательств истинного церковного учения и не кодекс предписаний авторитетного учительства Церкви, а опытное богословие, за словами которого ясно чувствуется присутствие духовных реальностей, ими выражаемых. Поэтому при чтении оно воспринимается, как свидетельство о неисощимом богатстве Божественной Премудрости, и располагает не к умственным спекуляциям, а к переживанию её неизреченных тайн на пути покаянного восхождения к Богу.
